



**ΑΓΑΤΑ  
ΛΕΛΨ**



АГАТА ЛЕЛЬ

**НИКТО**  
**НЕ УЗНАЕТ**



Москва  
2022

УДК 821.161.1-31  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44  
Л43

Редактор серии *А. Самофалова*

Оформление серии *Г. Ганжа*

В коллаже на обложке использованы фотография:  
© Kiselev Andrey Valerevich / Shutterstock.com  
и иллюстрация: © Apostrophe / Shutterstock.com;

Иллюстрация в марке серии:  
© Yoko Design / Shutterstock.com;

Иллюстрация на форзаце:  
© Apostrophe / Shutterstock.com  
Используется по лицензии от Shutterstock.com

### **Лель, Агата.**

Л43      Никто не узнает : [роман] / Агата Лель. — Москва : Эксмо, 2022. — 352 с.

ISBN 978-5-04-162441-5

Лея — домашняя девочка, любимая папина дочка, прилежная студентка из культурной столицы. Она совсем не готова к тому, что вся ее жизнь может внезапно перевернуться: вместо Питера — заштатный городок на другом конце страны, вместо родного отца — мамин бойфренд, в доме которого теперь приходится жить. Отношения с «новым папой» и однокурсниками в местном университете никак не складываются, а тут еще выясняется, что мамин сердечный друг освободил для них место, выгнав из дома без копейки денег большую жену и сына-студента. Неудивительно, что этот парень Лею ненавидит и презирает! Удивительно, что ей он все больше нравится...

УДК 821.161.1-31  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-162441-5

© Лель А., 2022  
© Оформление. ООО «Издательство  
«Эксмо», 2022

# ЧАСТЬ I

## Глава 1

— Лея, не сутулься. Красивая осанка — гордость любой женщины. Ты же не хочешь к сорока превратиться в сгорбленную старушку?

Едва заметно кошусь на мать и, видит бог, изо всех сил пытаюсь скрыть злость, которая душит, распирает, заполняет собой всю меня, каждый закоулок души. Злость, которая так и норовит сорваться с языка какой-нибудь ядовитой колкостью. Но я лишь чуть-чуть выпрямляю спину и отворачиваюсь к окну такси, утыкаясь взглядом в стену дождя, за которой такой же серый неприветливый город.

Я не хотела ехать сюда, на чужбину, за тридевять земель от моего любимого Питера, но мать не оставила мне выбора, как обычно решив все за нас обеих.

— Это хороший город, нам там понравится, — убеждала она то ли меня, то ли саму себя, складывая вещи в огромный розовый чемодан всего каких-то двадцать часов назад.

Нет, мама! Он уже мне не нравится!

Питер — мой дом, я в нем родилась и выросла, там остались все мои друзья, одногруппники, да даже недруги. Сейчас, находясь здесь, за тысячу километров, я как никогда осознаю, насколько сильно мне будет их всех не хватать. Но особенно папы...

История до отвращения банальна: полгода назад мама приехала в командировку в эту клоаку вселенной и без памяти влюбилась. Да, почти в сорок лет. Втюрилась как девчонка, и ей даже не хватило совести скрывать это чуть-чуть тщательнее. Да она бы и не смогла, даже если бы очень захотела — ее с потрохами выдавали сияющие каким-то лихорадочным блеском глаза, возбужденный румянец и смех без причины. Она запиралась в комнате и часами разговаривала с кем-то по телефону, то звонко хохоча, то переходя на интимный шепот.

Кто бы только знал, сколько ночей я пролежала с открытыми глазами, потому что за стеной раздавался стук клавиш ноутбука. И каждый этот тихий щелчок заставлял меня едва ли не вопить: что же ты делаешь, мама?!

Я видела, как страдал отец, делая вид, будто не замечает разительных изменений. Притворяясь для меня! Чтобы я не страдала! Но каждый из нас понимал: то, что происходит, — это начало конца.

Он наступил всего лишь через шесть месяцев ее участия в незапланированных командировках и томных переписках до утра «по работе». Мигом помолодевшая и похорошевшая мама просто поставила отца перед фактом: Игорь, я ухожу от тебя, переезжаю на другой конец страны и забираю с собой дочь. Точка. Не обсуждается. Моего мнения, конечно, никто не спросил. Да и кто будет им интересоваться, когда тебе только-только исполнилось восемнадцать и ты хоть и получила гордый статус совершеннолетней, но еще не знаешь, что с ним делать.

— Университет, в который тебя пристроил Виктор, — самый лучший. Уверена, тебе там понравится, — изрекает мама, рассматривая свое отражение в крошечном карманном зеркале.

И сразу вот это чувство, когда хочется рассмеяться и зарыдать одновременно.

Самый лучший университет? Серьезно? Из тех двух, что в принципе есть в этом захолустье?! Пусть универ, в котором я училась, не являлся самым престижным, но то был Санкт-Петербург, а не дыра, которую даже Яндекс-карта нашла не сразу.

Я не хотела переводиться из своего вуза, но мама поставила непрекаемое условие: за твое образование все еще плачу я, стало быть, я и выбираю, где тебе его получать.

Увы, это действительно правда. Горькая, но уж какая есть. Содержала нас действительно мама, работая инженером в нефтеперерабатывающей компании. Отец тоже не сидел без дела, конечно, нет, но он писатель, а его книги с каждым годом продаются все хуже.

Когда-то давно папа написал бестселлер, который даже перевели на несколько языков, книга продавалась огромными тиражами, а потом вдохновение его покинуло. Каждое следующее произведение становилось хуже и писалось дольше. Постепенно с некогда популярным автором не продлило контракт сначала одно издательство, потом другое... Папа впал в глубокую депрессию и несколько лет не мог написать и строчки. Разумеется, это сильно ударило по бюджету семьи, и если бы не мама, не знаю, на что бы мы жили. Поэтому, когда она поставила условие перевестись в универ, в который меня «пристроил» Виктор (держите меня семеро, как же я его ненавижу!), мне пришлось смириться, потому что я знала, что отец просто не потянет оплату моего обучения. И если бы я устроилась на работу, да хоть на две сразу, — положение бы это не спасло... Плюс папа непременно чувствовал бы себя виноватым, что не может достойно содержать единственную дочь, а видеть его расстроенным было бы выше моих сил.

Именно поэтому я сейчас здесь, в далеком, довольно холодном неприветливом городе, трясусь на заднем сиденье такси и мысленно ставлю крест на своей юности.

Я почитала в интернете, чем здесь живет местная молодежь, — картина удручающая.

— Зато здесь есть море, — словно читает мои мысли мама, глядя в залитое дождем окно.

— В Питере тоже оно есть, — бурчу.

— Это совсем другое море. Настоящее. Вон, видишь, даже есть маяк, — мама принимается восторженно водить ладошкой по стеклу, убирая мутную влагу. — Только посмотри, Лея, какая прелесть! Как-нибудь попрошу Виктора устроить нам экскурсию по городку. Может, сплаваем вместе до Акульей бухты. Но не сейчас, наверное, лучше весной, да? В это время года здесь часто шторм, да и холодно. А у Вити слабые бронхи.

— Мама! — оборачиваюсь, рвано дыша через нос. — Пожалуйста, можешь не упоминать своего Виктора хотя бы пять несчастных минут?

Это мой голос такой визгливо-отвратный?

— А ты неблагода-арная, — мама щурит аккуратно подведенные глаза, ноздри раздуваются в такт тяжело-му дыханию. — Между прочим, Виктор уже заочно принял тебя как родную. Из кожи вон лез, чтобы перевести тебя в университет без муторного сбора бумаг. Комнату для тебя подготовил.

— Когда увидимся — исполню реверанс.

— Прекрати дерзить матери!

— Давай просто закроем тему, ладно? Я хочу полюбоваться окружающей «красотой», — раздраженно за-талкиваю в уши капельки наушников и врубаю на всю Nightwish. Музыка сейчас безумно раздражает, но лучше мучиться потом от головной боли, чем слушать речь о том, что я не оправдала материнских надежд. И, конечно, оды расчудесному Виктору.

Даже от одного имени его передергивает. Ненавижу!

И это отвратительно, мерзко, противно, но с появлением его в жизни матери ее я словно перестала лю-

бить тоже. Я злюсь на нее! За то, что разрушила нашу жизнь — и мою, и отца. А он ведь ее так любит, невероятно. Когда она собирала чемодан, в его глазах стояли слезы. А я так вообще рыдала белугой, зарывшись лицом в подушку в своей комнате.

Да, конечно, я уже давно не ребенок и должна осознавать, что жизнь сложнее, чем нам кажется, вырасту — пойму и бла-бла-бла, но то, что она сделала, — называется предательством.

И этот хлыщ не лучше — крутил роман с мамой еще будучи женатым.

Я видела его всего лишь раз на фото и сразу же окрестила напыщенным стареющим мухомором. Абсолютно все в нем отвратительно — и зализанные гелем редкие русые волосенки, и слишком пухлые для мужика губы, и голубые водянистые глаза, которые мама однажды назвала «чарующими».

ТЬфу! Мерзко, грязно, противно!

Да и характер, как я уже успела понять, то еще дерьмо. Слышала я, как мама многократно оправдывалась, сбивчиво шепча в трубку извинения за то, что не успела вовремя принять вызов...

Не знаю, чем этот седеющий ловелас ее зацепил, неужели деньгами?

Их мама любит, да, но неужели настолько, чтобы разрушить целых две жизни, а если учесть и несчастную брошенную жену мухомора — три?

Три раскромсанные судьбы ради счастья двух влюбленных. Не слишком ли беспощадная выходит арифметика?

К сожалению, телефон быстро сел, и остаток пути мне пришлось тупо глазеть в залитое дождем окно. А поскольку сидела я так, чтобы не видеть мать, получила еще сомнительный бонус — жутко затекла шея.

— Ой, а мы приехали! — возбужденно заерзала на месте мама, суетливо доставая из сумки расческу. — Вон,

видишь, большой белый дом. Посмотри, какой чудесный, как с открытки.

Я даже не обернулась. Из принципа.

Да, может, я веду себя сейчас как трудный инфантильный подросток, но я зла, и нет ни малейшего желания это скрывать.

Меня выдернули из привычной среды, лишили любимого отца, друзей — и все ради чего?

Может, хорошая дочь порадовалась бы счастьем матери, но я, видимо, плохая. Интуиция у меня с детства развита отменно, и она мне подсказывает, что ничего хорошего этот переезд нам не принесет.

Я как в воду глядела.

## Глава 2

Когда такси припарковалось у дома, мне пришлось выбраться из машины, и сразу под долбящие по темечку струи. О том, чтобы приготовить заранее зонт, я не позаботилась, да и где мне его сейчас взять, я даже не уверена, что привезла его с собой. Висит сейчас, наверное, одинокий, на крючке в прихожей в Питере...

— Лея, ну что же ты, иди к нам! — перекрикивая ливень, прокричала мама, уже обнимаясь со своим мухомором под куполом огромного черного зонта.

Видеть этого пижона не хочется, но слечь с бронхитом тем более.

Втянув голову в плечи, перепрыгиваю через лужи и присоединяюсь к влюбленным. Первое мнение о новом ухажере матери — он не просто пижон, он пижон, залитый с головы до ног «Фаренгейтом». Задохнуться же можно, а!»

— Здравствуй, Лея. Какое у тебя необычное имя.

— Так назвал меня отец, — огрызаюсь и ликую, когда вижу скисшую физиономию «Витюши». Он немно-

го моложе, чем на фото, но по шкале отвратности по-прежнему бьет все рекорды.

— Вот и... славненько, — мухомор картинно улыбается, обнажая ряд белоснежных виниров.

Я тоже ему как кость в горле, определено. А его лицо... Боже, это что — автозагар?!

— Идите в дом, девочки, а я пока займусь вашим багажом, — командует мухомор.

— Витюша, возьми зонт, промокнешь же. А у тебя легкие слабые...

Перевожу ошарашенный взгляд на маму, транслируя: «Ты это серьезно? Нет, что, правда отдашь?!»

— Не нужно, Ниночка, прическу испортишь...

Мне кажется или в его голосе сомнение?

— Возьми! — мама бесцеременно пихает в мужскую ладонь ручку зонта и хватает меня за предплечье: — Побежали!

В какой-то прострации мчусь по чвакающей под подошвами кроссовок грязи к дому.

Он взял этот несчастный зонт. Взял. Преодолев три бетонные ступеньки, мама дергает на себя ручку двери, и мы наконец вваливаемся в теплое и, главное, сухое помещение. С волос не капает — с них льются водопады, одежда промокла до нитки.

В «найках» хлюпает.

— Ух, ну и погодка, да?! — открывается дверь, и в гостиную пытается протиснуться Виктор, таща за собой сразу два наших огромных чемодана. Пытается — потому что ручка зонта зажата у него между подбородком и плечом. Бедняга. — Ниночка, — немного раздраженно, — помоги!

Мама подрывется так резко, что меня едва не сносит порывом ветра.

«Ниночка» затаскивает в дом огромные чемоданы, пока Виктор аккуратно смахивает с плеч все-таки угловатые (какая досада!) на свитер капли дождя.

Закончив приводить себя в порядок, мухомор снова улыбается. Очень широко... и очень фальшиво.

— Ну вот вы и дома, девочки, — широко разводит руками, презентуя свои владения. — Все мое — теперь ваше.

Мама пихает меня локтем, и я выдавливаю свою самую противную улыбку, думая тем временем, что, если этот молодящийся донжуан еще раз назовет нас «девочки», я за себя не отвечаю.

— Здравствуй, Ниночка. Здравствуй, родная, — Виктор обнимает маму непозволительно тесно, опустив руки за ее спиной непозволительно низко. — Я скучал по тебе.

Меня тошнит! Неистово хочется исторгнуть всю эту мерзопакость прямо на обувь Виктора. Дорогие, кстати, ботинки. Не экономит на себе дедушка.

Конечно, я лукавлю, до дедушки ему далеко — выглядит он и правда неплохо, но я настолько его ненавижу, что мне кажется, что это самый отвратительный мужик на свете.

Объятия парочки длятся неприлично долго, а когда мама тянется к его губам, глаза мои округляются от шока.

Нет, я знаю, что такое французский поцелуй, и даже в курсе, что такое секс, я возвращена в век интернета и свободной любви, но когда это делает собственная мать, и не с твоим отцом, а с каким-то уродом, разбившим славную семью...

— А можно я пойду уже в свою комнату? — вышло резче, чем хотелось. Ну правда, тошнит.

— Конечно, дорогая. Идем, я тебе ее покажу, — раскрасневшаяся мама отрывается от Виктора и кивает на лестницу, ведущую наверх.

И ведь даже не попыталась сделать вид, будто она здесь тоже впервые...

Не могу я принять это. Пока — не могу.

Мы поднимаемся на второй этаж и бредем в самый конец коридора. Я не смотрю по сторонам, мне плевать на окружающую обстановку, картины и прочую хреноматрицу. Я просто хочу уединиться и не видеть сейчас свою мать.

— Вот, посмотри какая прелесть. Тут собственная ванная и чудный балкончик. Когда нет тумана, открывается восхитительный вид на горы. Хочешь, я покажу тебе...

— Спасибо, разберусь, — захопываю перед ее лицом дверь. Не слишком вежливо, знаю, но не могу пересилить себя и делать вид, что все нормально.

Какое-то время просто стою, подперев спиной дверь, и смотрю на бушующую за окном стихию. В руках лямка вымокшего дорожного рюкзака, к щекам мерзко прилипли сосульки волос, и именно этот факт заставляет отмереть. Ненавижу мокрые волосы. Особенно намоченные дождем.

Я знаю, что мне нужно — горячая ванна. Она помогает в любой непонятной ситуации. Не представляю, где находятся мои гели и пенки — наверное, где-то на дне чемодана, а он сиротливо стоит внизу. И черт с ними. Черт со всем, что здесь творится. Если не можешь изменить ситуацию, измени свое отношение к ней.

Видишь, мама, а ты говорила, что все эти мои «онлайн-тренинги по управлению гневом и прочая муть» — выброшенные на ветер деньги.

Достаю из рюкзака каким-то чудом оказавшееся там полотенце и, скользнув равнодушным взглядом по валяющемуся в углу футбольному мячу (Витюша спортсмен?), захожу в «собственную» ванную, которая оказалась на редкость просторной. Это не могло не обрадовать. Хоть один лучик света в царстве мрака. В детстве папа называл меня лягушкой, потому что я могла часами плескаться в остывшей воде и мне никогда не надоело.

Папа, как он там сейчас... От мысли, что он сидит один в стенах опустевшей квартиры на Фонтанке, становится тошно.

Надо позвонить ему вечером. Если решусь, конечно. Почему-то себя я тоже автоматически чувствую предательницей. Словно это я, а не мама приняла решение перевернуть наши жизни вверх тормашками.

Пролежав, наверное, не меньше сорока минут в горячей воде, выбираюсь наконец из ванны и по ошибке снимаю с крючка вместо своего полотенца — большое банное с красной витиеватой буквой «Э». Что означает эта «Э», меня совершенно не волнует, а вот валяющийся под раковиной одноразовый станок «Джиллет» интересует куда больше...

Неужели Витюша бреется в этой ванной? Боже, пусть это будет хотя бы лицо. Поддеваю пальцем ноги бритву и заталкиваю с глаз долой под корзину для белья.

Фу-у... Все-таки плохо иметь богатую фантазию.

Отжав как следует волосы и обмотавшись полотенцем, выхожу обратно в комнату и от нечего делать впервые как следует рассматриваю ее.

Если отбросить антипатию, в принципе связанную со всем, что касается Виктора, то комнатка действительно ничего так. Не слишком большая, но уютная. Добротная кровать, тумбочка, шкаф-купе почти во всю стену. Напротив входной двери — другая, сдвижная, ведущая на балкон. Выходить в такой дождь на улицу совсем не хочется, поэтому я просто раздвигаю пальцами ламели жалюзи и выглядываю в окно, но не вижу ровным счетом ничего, кроме серой пелены ливня и размытого пятна, похожего на плетенное из ротанга кресло.

А потом я вижу их: на подоконнике, с той стороны окна, стоит наполненная дождевой водой пепельница, в которой сиротливо плавают несколько смятых окурков.

Он что, и травится здесь?

Может, это вообще бывшая комната мухомора? Выделил с барского плеча. Зашибись.

Опускаю жалюзи до упора и ложусь поперек кровати, застеленной полосатым пледом под зебру. Тупо пляшусь в натяжной потолок и вижу какие-то странные вмятины, словно... словно кто-то бросал туда что-то хорошо заточенное.

Карандаш?

Дротики?!

Перевожу взгляд на входную дверь и вижу на ней весь истыканный по центру дартс. Потом взгляд сам перемещается снова к окну и цепляется за черный комок под батареей, подозрительно похожий на... мужской носок?

Теперь я поняла, что неуловимо смутило меня сразу же, как только я переступила порог этой комнаты, еще даже до того, как заметила «улики», — она точно не женская. То есть здесь явно жил мужчина. И не так давно. Об этом красноречиво говорит куча косвенных признаков, но дело даже не в них. Здесь особенная аура.

Какая-то... волнительная. Что-то такое, отчего сердечный ритм стал чуточку чаще.

Такое бывает, ну, не знаю, например, когда получаешь СМС с предложением сходить в «Шоколадницу» от симпатичного одноклассника.

Нет, вряд ли это комната Виктора. Сильно сомневаюсь, что в перерывах между совещаниями и укладкой волос гелем он балуется дротиками. Хотя кто знает, этот мужик вообще крайне странный.

Давлю улыбку и понимаю, что это точно не его тайная святая святых, иначе я бы непременно испытала здесь приступ мигрени.

Может, это бывшая спальня его выпорхнувшего из гнезда сына? Есть у него вообще дети? Мама никогда об этом не упоминала, а я не спрашивала, ибо все, что касается ее Витюши, мне по умолчанию неинтересно.